

Квашнин В.А.

Римские женщины в политической жизни средней Республики

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3344>]

[Публикация работы:]

Квашнин В.А. 2011: Римские женщины в политической жизни средней Республики // Народ и демократия в древности: доклады российской научной конференции / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль, 175-188.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Римские женщины в политической жизни
средней Республики

1

В новейший период европейской истории укладу и стилю общественной жизни, характерным для античного общества, часто придается значение образца. Столь же часто политический режим, существовавший в Римской Республике, в научной литературе характеризуется как «демократический», на чем, в частности, настаивает в своих последних работах Ф. Миллар¹. При этом, однако, следует отметить важный момент, делающий ограниченной римскую модель демократии, если мы будем исходить из современных представлений о демократическом обществе. Как показывают юридические, исторические и литературные источники, значительная часть гражданского коллектива в Риме, формально обладая полным гражданским статусом, была лишена (причем не только на уровне неформальной традиции, но и посредством легальных механизмов) как доступа к общественному управлению, так и возможности полноценного участия в общественной, и, в частности, политической жизни общества. Речь идет о римских женщинах, которые, имея такой же гражданский статус, как и мужчины, были лишены *ius suffragii* и *ius honorum*, в силу чего не имели политических прав и не могли участвовать в работе комиций. Отсутствие публичных прав в условиях древнеримского общества означало, что женщины не могли быть сенаторами и магистратами, не могли участвовать в избирательном процессе, обсуждать и вносить законопроекты, а также возбуждать судебные иски и участвовать в судебном процессе. Безусловно, такая ситуация имела и свои положительные стороны: вследствие отсутствия публичных прав римские женщины были освобождены от исполнения публичных обязанностей, что выражалось в том, что они не служили в армии и не должны были платить налоги. Более низкий юридический статус римской женщины, лишенной публичных прав, неизбежно сказывался на ее социальном положении, что, по мнению И.Л. Маяк, позволяет рассматривать женское население Рима как особую социальную группу в структуре римской гражданской общины².

Попытку исследовать все случаи появления римских женщин на политической арене в контексте большой проблемы «женщина и по-

¹ Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor, 1998; *idem*. Rome, the Greek World and the East. Vol. I. Chapel Hill -- L., 2002. Ch. 3-6.

² Маяк И.Л. Женщина в раннем Риме (V-IV вв. до н.э.) // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 103.

литика» предпринял Р. Бауман³. Целью его работы было исследование путей и механизмов, благодаря которым римские женщины добились более значимой роли в публичной сфере. Процесс этот, согласно концепции автора, занял примерно четыре столетия, с середины IV в. до н.э. по 68 г. н.э., на котором заканчивается исследование. Следует отметить, что задача, которую ставит перед собой Р. Бауман, сама по себе является чрезвычайно сложной. Как признает Д. Эванс, исследователям так и не удалось успешно интегрировать историю женщины в широкий контекст античной истории⁴. Следует отметить, что книга Р. Баумана написана под явным влиянием феминистской литературы, значение которой для исторических (в том числе антиковедческих) исследований становится заметным, начиная с 70-х гг. XX в.⁵ Как представляется, не только центральная проблема работы, но и логика исследования Р. Баумана подчинены идеологии феминизма. В одной из рецензий отмечается созвучность важнейших положений работы Баумана феминистскому лозунгу последних двух десятилетий «the personal is political»⁶. Как следствие, автор а priori отталкивается от ряда положений, которые представляются нам принципиально неверными.

Первым, и, возможно, самым важным из них, является лежащее в основе книги Р. Баумана представление о римских женщинах как социальной общности, характеризующейся единством интересов, потребностей и запросов, обращенных к мужской части общества. Оно основывается на намеренном либо непреднамеренном отождествлении античного и современного общества и соответственно социальных процессов, протекающих в них. Однако нет необходимости доказывать, что античное общество не отличалось той степенью гомогенности, которой характеризуется современное общество. В условиях отсутствия сложившейся специфической идеологии женского равенства и поддержки возникшего на ее основе общественного движения со стороны определенной части политической элиты модель «античного феминизма» является всего лишь искусственно созданным теоретическим построением, плохо вписывающимся в реалии древнеримского общества⁷. Очевидно, что политическими амбициями могли

³ *Bauman R. Women and Politics in Ancient Rome. L., 1992.*

⁴ *Evans J.K. War, Women and Children in Ancient Rome. N.Y., 1991. P. X.*

⁵ *Van Niekerk G. Stereotyping Women in Ancient Roman and African Societies: A Dissimilarity in Culture // RIDA. 2000. T. 47. P. 365.*

⁶ *Bendix J. Rev.: R. Bauman. Women and Politics in Ancient Rome. L., 1992 // www.ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2002/2002-02-04.html*

⁷ Ср.: *Späth T. "Frauenmacht" in der frühen römischen Kaiserzeit? Ein kritischer Blick auf die historische Konstruktion der "Kaiserfrauen" // Reine Männersache? Frauen in Männerdomänen der antiken Welt. Köln-Weimar-Wien, 1994. S. 165.*

обладать лишь отдельные представительницы элиты, но никак не все женское население римской общины. При этом, как пишет Д. Халлет, важно учесть, что даже римские женщины, принадлежавшие к высшему классу, не обладали особым политическим влиянием и не соотносили себя с работой римского правительства; они отстранялись мужчинами от политического опыта как от ненужного и даже несущего угрозу римскому политическому порядку⁸. Отчасти признает это и сам Р. Бауман. Он отмечает, что патриархальное римское общество не желало, чтобы женщины вмешивались в политику⁹.

Возражения вызывает и представление о римском обществе как жестко патриархальном и консервативном. Примечательно, что изменения юридического положения римской женщины в период Республики и Принципата имели исключительно положительную динамику, затронув такие важные области, как состояние подвластности, свободу развода, имущественную самостоятельность¹⁰. По оценке Р. Сэллера, ко времени правления Августа римская женщина фактически обладала юридической независимостью в браке, что выглядит достаточно необычно в сравнении с положением женщин в других традиционных аграрных обществах. Это дало основания исследователю утверждать, что образ глубокого патриархата искажает картину семейной жизни в Риме, и то, что этот образ продолжает существовать у части современных историков, демонстрирует лишь их малое внимание к предмету своего исследования¹¹. Восторженную оценку процесса эмансипации римской женщины можно встретить в историко-правовых исследованиях, где подчеркивается, что лишь дважды в истории человечества женщина добилась юридического равенства с мужчиной – в древнем Риме и в современной Европе и Северной Америке¹². Следует заметить, что сама постановка проблемы Р. Бауманом указывает не только на демократизм и открытость переменам римского общества, но и на достаточно высокий статус женщины в нем. В обратном случае, вряд ли вообще можно было бы развивать

⁸ Hallett J.P. *Fathers and Daughters in Roman Society: Woman and Elite Family*. Princeton, 1984. P. 9-10.

⁹ Bauman R. *Op. cit.* P. 10.

¹⁰ Ср.: Förtsch B. *Die politische Rolle der Frau in der römischen Republik*. Stuttgart, 1935. S. 29. Одним из первых в немецкоязычной литературе концепцию «эмансипации» римской женщины сформулировал Людвиг Фридендер (*Friedlander L. Darstellungen der Sittengeschichte Roms in der Zeit von Augustus bis zum Ausgang der Antike*. 10. Aufl. Bd.II. Leipzig, 1922. S. 278-281).

¹¹ Garnsey P., Saller R. *The Roman Empire: Economy, Society and Culture*. L., 1987. P. 126, 131.

¹² Vigneron R., Gerkens J.-F. *The Emancipation of Women in Ancient Rome* // RIDA. 2000. T. 47. P. 107.

концепцию борьбы женщин за политические права в древнем Риме, аналог которой трудно представить себе в существовавших как одновременно с ним, так и позднее высокоразвитых восточных обществах.

То обстоятельство, что женщина добилась юридического равенства с мужчиной лишь в эпоху античности и затем в новейшее время, позволяет проводить определенные аналогии в развитии античной и современной западной цивилизации, причем последняя зачастую выступает в качестве образца, а эволюция античного общества рассматривается через призму опыта развития западного общества. Однако при этом исследователи сталкиваются с тем, что изменения юридического статуса римской женщины привели к улучшению ее частного правового положения, но не сказались на публичных правах¹³. Между тем ориентация на модель развития современного общества навязывает определенную логику научного поиска, заставляя сделать следующий шаг, а именно искать следы политической эмансипации римских женщин. Тем не менее, постепенное освобождение римской женщины от *юридической* власти отцов, мужей и ближайших родственников-мужчин, вовсе не предполагало в качестве прямого следствия ее появления в публичной жизни с требованием предоставления политических прав и допуска к общественному управлению.

2

Образ глубоко патриархального римского общества тесно связан с представлением о полном бесправии женщины, особенно в ранний период его истории. Так, авторитетные французские авторы, исходя из положений законов XII таблиц, категорично заявляют о том, что в начале своей истории римляне были «патриархальными крестьянами», считавшими женщину «недочеловеком»¹⁴. Перед нами явно проекция юридического конструкта на социальную реальность, что является довольно распространенным явлением в литературе, посвященной римской семейной организации. Специфику ее исследования хорошо показывает Дж. Крук, отметивший, что по большей части современная модель римской семьи основывается на праве, в котором римляне старались доводить все до логического конца, в результате чего основные принципы ее существования выделяются в обманчивой социологической простоте¹⁵. Ярким примером отождествления соци-

¹³ Van Niekerk G. Op. cit. P. 370.

¹⁴ Vigneron R., Gerkens J.-F. Op. cit. P. 107. Для большей ясности авторы поясняют значение англ. «submen» на примере нем. «Untermenschen», не оставляющего сомнений в его правильном понимании.

¹⁵ Crook J. Patria potestas // Cl.Q. 1967. Vol. 17. P. 113. На необходимость уяснения ограниченности возможностей правовых источников указывает и Р. Сэллер (Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 127).

ального поведения и юридических норм является отображение в литературе института отцовской власти (*patria potestas*), который, если исходить из правовых источников, сохранял за отцом семейства практически неограниченную власть над совершеннолетними детьми. Коррективы в устоявшееся представление об этом институте вносят работы Дж. Крука и Р. Сэллера, в которых высказывается парадоксальная на первый взгляд идея о том, что в общественной жизни Рима *patria potestas*, в таком ее аспекте, как пожизненная власть над детьми, не имела практически никакого значения¹⁶. Для ее обоснования исследователи используют как традиционный анализ нарративных источников, так и компьютерную модель демографии римского общества, согласно которой среднее различие в возрасте между отцом и детьми составляло 30–40 лет. В первую очередь это было связано с поздним брачным возрастом римских мужчин, вступавших в брак приблизительно в 30 лет. В результате не более 5% мужчин в возрасте от 30 до 40 лет, создавая собственную семью и обзаводясь детьми, продолжали находиться во власти отца¹⁷.

Точно так же абсолютное исключение женщин из сферы публичного, даже будучи зафиксировано юридическими источниками, возможно лишь теоретически, как социологическая абстракция. Оно отсутствовало даже в тех обществах, где подчиненное положение женщины достигалось весьма жесткими способами. В этой связи следует обратить внимание на такой специфический источник обмена информацией, как сплетни и слухи, игравшие важнейшую роль в жизни «примитивных» обществ. Как отмечается этнологами, это была та сфера, в которой женщины хотя бы отчасти компенсировали нормативные ограничения их социальной активности и косвенно оказывали влияние на формирование в общественном мнении представлений о социальной значимости личности¹⁸. Не следует недооценивать роль данного источника информации и для общественной жизни античного полиса. Без распространявшейся на неформальном уровне информации о частной жизни гражданина была невозможна идентификация личности жителя полиса, учитывая почти полное отсутствие личной документации, фиксирующей рождение ребенка, заключение брака, усыновление, получение либо утрату гражданства и т.д. Ин-

¹⁶ Crook J. Op. cit. P. 113-122; *idem*. Law and Life of Rome. L., 1967. P. 110-111; Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 136-142; Saller R. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. Cambridge, 1994. P. 114-132.

¹⁷ Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 138; Saller R. Op. cit. P. 25-41, 52

¹⁸ Артемова О.Ю. Первообытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации: Генезис, историческая динамика, постстарно-политические функции / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 50.

формация о частной жизни индивида играла важную роль в формировании общественного мнения, влияя на его участие в политической жизни полиса. Главную роль в распространении подобной информации, как недвусмысленно указывают античные авторы, играли женщины. В определенной ситуации женские сплетни превращались в грозное оружие, примером чего является передаваемый Авлом Геллием рассказ Катона Старшего о Папирии Претекстате (1.23.1-13). То, что именно через женщин шел неформальный информационный обмен, выводит нас на специфическую функцию, выполнявшуюся ими в общественной жизни полиса. В литературе отмечалась определенная двусмысленность в отношении публичной власти к женщинам: с одной стороны, она всячески стремилась отделить мужскую часть полиса от женской, подавляя проявления социальной активности последней, но с другой, использовала женщин с целью контроля за поведением граждан-мужчин¹⁹. Применительно к римскому обществу данная функция, имплицитно присущая женской части *civitas*, отчетливо проявила себя во время знаменитой цензуры 184 г. до н.э. По сообщению Плутарха, Катон изгнал из сената некоего Манлия за то, что тот при свете дня поцеловал свою жену в присутствии дочери (*Cat. Mai.* 17). Судя по упоминанию о том, что Манлий в будущем должен был стать консулом, речь, видимо, идет об Авле Манлии Вольсоне, консуле 178 г. до н.э.²⁰ Цицерон упоминает о том, что цензорское замечание было сделано также Луцию Корнелию Сципиону Назике²¹. Колкость Сципиона в адрес жены показывает, что, скорее всего, поводом к взысканию послужили его семейные проблемы. Повод к наказанию Манлия и Сципиона выглядит настолько легковесным, что вызвал сомнение исследователей²². Однако такая функция цензоров как *cura togum* предполагала контроль за поведением домовладыки в семье, где наиболее распространенными нарушениями было его жестокое обращение с домочадцами и рабами, плохое воспитание детей, нарушение норм семейного права, что в какой-то степени объясняет выглядящие анекдотическими сообщения античных авторов. Очевидно, что главным источником информации о поведении человека в кругу семьи были женщины, распространявшие ее в виде слухов и сплетен,

¹⁹ *Cohen D. Law, Sexuality and Society: The Enforcement of Morals in Classical Athens.* Cambridge, 1991. P. 49-51.

²⁰ Ср.: *Astin A.E. Cato the Censor.* Oxford, 1978. P. 80. Not. 7.

²¹ *Cic. De orat.* 2.260: *Ridicule etiam illud L. [Porcius] Nasica censori Catoni; cum ille «ex tui animi sententia tu uxorem habes?» «Non hercule» inquit «ex mei animi sententia».*

²² См. напр.: *Kienast D. Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit.* Darmstadt, 1979. S. 74.

что в свою очередь привлекало внимание магистратов к образу жизни того или иного гражданина.

С другой стороны, необходимо учитывать, что женщины, даже будучи лишены возможности непосредственно участвовать в политической жизни римского общества, могли воздействовать на нее иными способами. Мужчины, покидая поле общественной деятельности, попадали в круг семейных отношений, где жены, матери и сестры имели возможность оказывать на них определенное влияние²³. Как показывают письма Цицерона, женщины из влиятельных римских семей зачастую были полноправными участницами политических дискуссий²⁴. Таким образом, нельзя говорить о том, что римские женщины находились вне поля общественной и политической активности. Скорее, следует говорить о том, что они не прямо, а опосредованно влияли на политическую сферу, преимущественно с помощью нелегитимных и неформализованных механизмов, некоторое представление о которых дают Аристофан в «Лисистрате» или Катон Старший в приведенном выше рассказе о Папирии Претекстате.

Более того, конкретные примеры показывают, что публичная сфера вовсе не была жестко закрыта для женщин, принадлежащих в силу своего имущественного положения, происхождения или брачного союза к полисной элите²⁵. В посвячительных надписях малоазийского Перге (20-е гг. I в. н.э.) фигурирует некая Планция Магна, пользовавшаяся огромным влиянием в городе²⁶. Еще более показателен пример Филе, дочери Аполлония, не только занимавшей в I в. до н.э. публичную должность в Приене, но и являвшейся эпонимным магистратом²⁷. Не менее красноречивы предвыборные надписи из Помпей, где фигурируют Амадий «вместе с его супругой» (CIL. IV. 913), «Апулея и Нарцисс» (ILS. 6408a) и даже Статия, призывающая

²³ Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 134; Lefkowitz M. Influential Women // Images of Women in Antiquity / Ed. A. Cameron, A. Kuhrt. Detroit, 1983. P. 49, 58.

²⁴ В качестве примера можно привести сообщение Цицерона о деятельности матери Марка Юния Брута (Cic. Att. 15.10-12, 17).

²⁵ Э. Хемелрийк указывает на наличие более 750 надписей, посвященных женщинам, занимавшим публичные должности; эти надписи относятся только к западным районам Римской империи и охватывают первые три века н.э. (Hemelrijk E.A. Patronage of cities: The Role of Women // Roman Rule and Civic Life: Local And Regional Perspectives / Ed. by L. De Ligt, E.A. Hemelrijk, H.W. Singor. Amsterdam, 2004. P. 420. Not. 19). Аналогичный материал по восточным грекоязычным районам приводит Х. Ван Бремен (Van Bremen H.C. The Limits of Participation. Women and Civic Life in the Greek East in the Hellenistic and Roman Periods. Amsterdam, 1996).

²⁶ Feldner B. Zum Ausschluss der Frau vom römischen officium // RIDA. 2000. T. 47. S. 396. Anm. 34.

²⁷ Women in the Classical World: Image and Text / Ed. E. Fantham and al. N.Y-Oxford, 1994. P. 156.

голосовать за свою кандидатуру (CIL. IV. 3684)²⁸. Видимо, одним из важнейших источников влияния женщин в публичной сфере была клиентела. Римские женщины, принадлежавшие к высшим сословиям, осуществляли патронаж не только над отдельными лицами или группами лиц, но и над целыми городскими общинами²⁹. Э. Хемельрийк указывает на 19 случаев, не вызывающих никаких сомнений, когда женщины выступали в роли патронесс городов Италии и Северной Африки³⁰. Это еще раз показывает, что юридический статус женщины не был тождественен реальному влиянию, которое она оказывала на публичную сферу³¹. На расхождение между требованиями права и социальной реальностью указывает Берил Роусон, не без иронии отметившая, что хотя в теории женщины обладали крайне низким юридическим статусом, это не мешало им на практике наслаждаться независимостью³².

3

Как справедливо было отмечено в литературе, исторические стереотипы идут рука об руку со стереотипами гендерными³³. Б. Фельднер, проанализировав несколько случаев появления в период поздней Республики и раннего Принципата женщин в поле общественной деятельности, отмечает, что в античной традиции они наделялись либо характеристиками моральной и половой распущенности, либо мужеподобия (андрогинности), либо того и другого³⁴. Подобная реакция на проявление публичной активности женщины, по мнению исследовательницы, определялась патриархальным строем, создававшим определенные описательные категории. Согласно им, женщина, появляясь в традиционно мужских сферах общественной деятельности, могла быть либо «бесстыжей женщиной» (*die schamlose Frau*), либо «мужеподобной женщиной» (*die männliche Frau*). Обе категории, по мнению Б. Фельднер, «маргинизировали» женщину, создавая ее «правильный» с точки зрения патриархального общества образ³⁵.

²⁸ См.: *Lefkowitz M.* Op. cit. P. 59.

²⁹ *Hemelrijk E.A.* City patronesses in the Roman Empire // *Historia*. 2004. 53. P. 209-245; *idem.* Patronage of cities... P. 415-427.

³⁰ *Hemelrijk E.A.* Patronage of cities... P. 420.

³¹ *Ibid.* P. 426.

³² *Rawson B.* The Roman Family // *The Family in Ancient Rome: New Perspectives* / Ed. B. Rawson. L., 1986. P. 8.

³³ *Van Niekerk G.* Op. cit. P. 366.

³⁴ *Feldner B.* Op. cit. S. 381-396.

³⁵ *Ibid.* Op. cit. S. 396. Как кажется, Б. Фельднер совершенно упускает из вида контекст, в котором следует воспринимать специфические характеристики некоторых представительниц женского населения Рима. Особенности политической борьбы в Риме предполагали определенные способы дискредитации оппонента, когда упор делался на подаче

Мысль о том, что в патриархальном обществе мужчины, враждебно настроенные к женской природе, стремились превратить женщину в некое подобие себя, довольно часто встречается в исследованиях, посвященных положению женщины в древних обществах. Как утверждает К. Аспегрен, в античном обществе слова «мужской» и «женский», как и их синонимы, использовались не только в их прямом, биологическом значении, но и в переносном: «женский» использовался как синоним несовершенного и злого, «мужской» – совершенного и доброго»³⁶. Подобные утверждения основываются на распространенном в феминистской литературе представлении о том, что в патриархальных обществах составляющие доминирующую группу мужчины в соответствии со своими интересами и ценностями создают специфический «мужской» способ мировосприятия, включающий в себя систему образов и стереотипов, преимущественно негативных по отношению к женщине. Очевидно, что подобные конструкции грешат явным упрощением, игнорируя сословные, классовые, конфессиональные, этнические, профессионально-цеховые и иные барьеры, разделяющие мужскую часть общества, единство которой при всем желании не может скрепляться только гендерными стереотипами и ценностями. М. Катц в связи с этим подвергла обоснованной критике целую группу гендерных стереотипов, связанных с наличием особого «женского» и «мужского» способов мировосприятия, в существовании которых она высказывает серьезные сомнения³⁷.

Думается, что многие особенности семейных отношений в древнем Риме можно объяснить, не прибегая к столь изощренным изысканиям. Как показывают демографические исследования, на территории Италии господствовал «средиземноморский» тип семьи, для которого был характерен довольно заметный разрыв между брачным возрастом для мужчины и женщины³⁸. Если мужчины вступали в брак в конце

в сильно преувеличенном и окарикатуренном виде тех проявлений публичной и частной жизни гражданина, что шли вразрез с традициями общественной морали. Женщина, попадая в мир политики, не только становилась объектом пристального внимания, но и испытывала на себе устоявшиеся способы политической борьбы. Некритичное восприятие инвектив Саллюстия или эпиграмм Катюлла позволяет сделать вывод о том, что для мира римской политики куда в большей степени, чем мужеподобные женщины, были характерны женоподобные мужчины, причем и в том и в другом случае они могут быть охарактеризованы как «бесстыжие» (*schamlose*).

³⁶ *Aspegren K. The Male Women: A Feminine Ideal in the Early Church. Uppsala, 1990. P. 11.*

³⁷ *Katz M. Ideology and the Status of Women in Ancient Greece // Women in Antiquity: New Assessments / Ed. R. Hawley and B. Levick. L., 1995. P. 21.*

³⁸ *Hajnal J. European marriage patterns in perspective / Population in History / Ed. D.V. Glass. L., 1965. P. 101-143; idem. Two kinds of pre-industrial household formation system // Family Forms in Historic Europe / Ed. R. Wall et al. Cambridge, 1983. P. 65-104.*

второго – начале третьего десятилетия своей жизни (в среднем около 30 лет), то для женщин брачный возраст колебался на рубеже 20 лет³⁹. В среде римской аристократии браки заключались несколько ранее, но с тем же характерным расхождением брачного возраста мужчины и женщины⁴⁰. Разница в возрасте между мужем и женой в 10 лет предполагала не только различный уровень образования, жизненного опыта, социальных навыков, но и выстраивание внутрисемейной субординации с естественным подчинением женщины более взрослому и опытному брачному партнеру-мужчине. Возникающую в римской семье модель отношений Р. Сэллер образно обозначил как «партнерский брак» (*companionate marriage*) с «неравным товариществом» (*asymmetrical companionship*) супругов⁴¹. Зачастую муж выступал в роли наставника, восполняя пробелы в образовании супруги, прививая ей собственные вкусы и предпочтения в различных областях знания и культуры и тем самым оказывая сильнейшее влияние на формирование ее мировоззрения⁴². Следует учесть, что в Риме нижняя граница брачного возраста для женщин составляла 12 лет. В среде римской аристократии, политически наиболее активной, женщина вступали в брак обычно в промежутке между 12 и 18-20 годами, что неизбежно сказывалось на ее зависимости от личности супруга, в том числе в области общественной деятельности⁴³.

4

В поисках феномена массового появления женщины в публичной сфере Рима, Р. Бауман выделяет ряд событий, по его мнению указывающих на ход данного процесса: принятие культа Кибелы, отмена Оппиева закона, запрещение Вакханалий, деятельность Октавии и др. Из известных нам по источникам случаев появления женщин на публичной арене в период средней Республики, следует остановиться на двух, достоверность которых не вызывает сомнений. Это отмена Оппиева закона в 195 г. до н.э. и преследование приверженцев культа Вакха в 186 г. до н.э. В последнем случае религиозный момент тесно переплетается с политическим, в связи с чем и обращает на себя внимание присутствие женщин среди участников некоего заговора, раскрытого консулами Спурием Постумием Альбином и Квинтом Мар-

³⁹ Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 130-136; Saller R. Op. cit. P. 25-41.

⁴⁰ Garnsey P., Saller R. Op. cit. P. 131.

⁴¹ Ibid. P. 134. Cp.: Dixon S. The Sentimental Ideal of the Roman Family // Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome / Ed. B. Rawson. Oxford, 1991. P. 102-111.

⁴² Van Den Berg R. Op. cit. P. 359.

⁴³ Cp.: Hemelrijk E. Matrona Docta: Educated Women in the Roman Elite from Cornelia to Julia Domna. L., 1999. P. 9, 31-41.

цием Филиппом⁴⁴. Как указывает Ливий, более семи тысяч лиц обоего пола было вовлечено в заговор⁴⁵. Достоверность сообщения Ливия подтверждается найденной в 1640 г. бронзовой табличкой с текстом сенатконсульта 186 г. до н.э.⁴⁶ Вместе с тем, упоминание женщин в религиозном контексте не выглядит чем-то необычным. Юридическое исключение женщин из политической сферы, как мы попытались показать, не означало их полного устранения из общественной жизни. Женщины не были лишены возможности коллективного участия в жизни общины, скорее предполагалось, что это участие было ограничено рамками религиозной сферы – *publica sacra*. В этнологической литературе высказывалось предположение, что первые формы социального неравенства на территории Юго-Западной Европы носили специфический характер, выражаясь в неодинаковом доступе к престижной социальной информации (прежде всего, религиозно-магической), что привело к исключению женщин из сфер социальной активности, связанных с магической практикой и изобразительным искусством⁴⁷. Однако в римском обществе единственной публичной сферой, куда доступ женщинам не был жестко ограничен правом, была сфера религиозная. Исключительно женским был цикл праздников: Матроналии, Матралии, празднование культа Доброй Богини и Юноны Луцины. В руках женщин находился религиозный культ Весты, причем весталки даже вели себя подобно мужчинам-жрецам и магистратам, посещая публичные обеды и занимая почетные места на общественных играх⁴⁸. Как отмечает И.Л. Маяк, участие римской женщины в публичных священнодействиях позволяло ей ощутить себя членом более широкого, чем фамилия отца или мужа, коллектива – римской *civitas*⁴⁹. Античная традиция, представленная Ливием, показывает, что в ряде случаев женщины имели возможность проявления стихийной инициативы, выходящей за пределы религиозной сферы, как во время галльского нашествия, когда женщины отдали для выкупа все имевшиеся у них ценности (XXXIV. 5. 7-10)⁵⁰.

Куда необычнее выглядят события, связанные с отменой Оппиева закона в 195 г. до н.э. Обращает на себя внимание, что упомянутые

⁴⁴ Подробный разбор событий 186 г. до н.э. см.: Gruen E.S. *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Berkeley-L.A.-L., 1996. P. 34-78.

⁴⁵ Liv. XXXIX.17.6: *Coniurasse supra septem milia uirorum ac mulierum dicebantur*.

⁴⁶ *Riccobono S. Fontes iures Romani antejusteniani*. T.I: Leges. Florentiae, 1941. P. 240-241. N.30.

⁴⁷ См.: Артемова О.Ю. Указ. соч. С. 66.

⁴⁸ Van Niekerk G. Op. cit. P. 371. Nt. 17.

⁴⁹ Маяк И.Л. Указ. соч. С. 101.

⁵⁰ *Peppe L. Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in eta repubblicana*. Milano, 1984. P. 48-49.

выше проявления женской коллективной инициативы были связаны с событиями, носившими исключительный характер, и направлены на защиту интересов общины в целом. В случае с отменой закона Оппия вышедшие на улицы Рима женщины явно отстаивали интересы узкогрупповые, а не общинные. На первый взгляд, это событие логично вписывается в концепцию Р. Баумана о последовательной политической эмансипации римских женщин. Однако, как справедливо отмечает П. Дезидери, суть спора показывает, что речь шла не об интересах римских женщин вообще, а, в первую очередь, матрон, принадлежавших к богатым городским фамилиям⁵¹. Сколь бы мощным ни было давление, оказанное римскими женщинами на плебейских трибунов, обсуждение вопроса об отмене закона, как и голосование по нему, проходило исключительно в мужской среде. Это указывает на то, что римское общество действительно оказалось расколотым, причем линия размежевания противников и сторонников *lex Oppia* определялась отнюдь не гендерным признаком. Как недвусмысленно дает знать Ливий, в общем-то, незначительное событие переросло в большое противостояние исключительно из-за рвения римских политических групп⁵². Любопытно, что в речи Катона, передаваемой Ливием, присутствует намек на возможность некоего сговора между матронами и трибунами⁵³. Присутствие в этих событиях верхушки гражданского коллектива позволяет предположить, что конфликт 195 г. до н.э. не сводился к идеологическому и тем более гендерному противостоянию различных групп внутри римской общины, но имел глубокие как экономические, так и социальные корни.

5

Что же заставило римских женщин в нарушение устоявшихся веками традиций выйти на политическую арену, бросив вызов «старым добрым» нравам? Б. Фельднер, размышляя о границе, проходившей между «частным» и «публичным» в Риме, видит ее в некоей структуре, связывающей различными отношениями два лица. Там, где это структурное единство нарушается и во внутренние отношения вовлекаются третьи лица, и начинается сфера публичного⁵⁴. Нетрудно увидеть, что этой условной структурной единицей является римская *familia*, сосредоточие частного интереса гражданина и одновременно

⁵¹ *Desideri P. Catone e le donne (Il dibattito Liviano sull'abrogazione della lex Oppia) // Opus. 1984. № 3. P. 68.*

⁵² *Liv. XXXIV. 1.4: Ad suadendum dissuadendumque multi nobiles prodibant; Capitolium turba hominum fauentium aduersantiumque legi complebatur.*

⁵³ *Liv. XXXIV. 2.6: Haec consternatio muliebris, siue sua sponte siue auctoribus uobis. M. Fundani et L. Ualeri, facta est.*

⁵⁴ *Feldner B. Op. cit. S. 382. Anm. 5.*

объект пересечения публичного и частного интересов. Как представляется, это указывает на то, что причину выхода женщин на политическую арену следует искать в той точке, где соприкасались интересы общины и фамилии. Как время принятия закона Оппия, так и содержание передаваемых Ливием речей сторонников и противников его отмены указывают на необходимость рассмотрения событий 195 г. до н.э. в контексте Ганнибаловой войны. Вопрос о том, зачем понадобилось в 215 г. до н.э., времени сокрушительных поражений римской армии, принимать закон, запрещающий женщинам носить окрашенную пурпуром одежду, владеть золотыми вещами в размере более полуунции (ок. 15 гр.) и ездить в повозках по Риму и его окрестностям, по-прежнему обсуждается специалистами⁵⁵. В данном случае нас интересует лишь один аспект принятия закона Оппия – судьба имущества (прежде всего, золота), выходявшего за установленные законом пределы. Ответ кажется очевидным: это имущество должно было поступить в эрарий, бедственное состояние которого Ливий не устает описывать на всем протяжении войны⁵⁶. Закон Оппия в таком ракурсе предстает как чрезвычайная мера, призванная легализовать конфискацию частных средств, принадлежащих женщинам, для публичных нужд⁵⁷. Не случайно инициатору отмены закона плебейскому трибуну Луцию Валерий Ливий приписывает следующие слова о том, что закон Оппия был принят прежде всего из-за бедственного состояния публичной казны⁵⁸. Нечто подобное происходит в 214 г. до н.э., когда по предложению Марка Валерия Левина теперь уже мужчины должны были опустошить фамильную казну, оставив себе только пять тысяч ассов (для сенаторов несколько больше), а остальное имущество передав в общественную казну⁵⁹. Высказывалось предположение, что

⁵⁵ Gulham P. The lex Oppia // *Latomus*. 1982. Т. 41. P. 786-793; Desideri P. Op. cit. P.63-74; Peppe L. Op. cit. P. 43-50; Moscovich M.J. Dio Cassius and the Repeal of the Lex Oppia // *AHB*. 1990. № 4. P. 10-16; Evans J. Op. cit. P. 73 f; Bauman R. Op. cit. P. 31-34; Agati Madeira E.M. La lex Oppia et la condition juridique de la femme dans la Rome républicaine // *RIDA*. 2004. Т. 51. P. 88-99.

⁵⁶ *Liv.* XXII.26.6-8; XXII.32.6-9; XXII.61.2; XXIII. 3.21.1-6; XXIII. 31.1-2; XXIII. 48.11; XXIV.18.2; XXVI. 35.2; XXVI. 35.5; XXVIII.41.11.

⁵⁷ Pomeroy S.B. *Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity*. N.Y., 1975. P. 178.

⁵⁸ *Liv.* XXXIV. 6. 15-16: Tali tempore in luxuria et ornatu matronae occupatae erant, ut ad eam coerendam Oppia lex desiderata sit...? Cui non apparet inopiam et miseriam ciuitatis, quia omnium priuatorum pecuniae in usum publicum uertendae erant, istam legem scripsisse tam diu mansuram quam diu causa scribendae legis mansisset?

⁵⁹ *Liv.* XXVI. 36. 5-8.

в 207 г. до н.э. было повторено, правда, в более ограниченных масштабах, изъятие золота у женщин⁶⁰.

Чрезвычайные меры периода Ганнибаловой войны создали щекотливую с точки зрения публичного права ситуацию. Привлечение женщин в качестве налогоплательщиков (а платили военный налог даже вдовы и сироты)⁶¹ означало, что женщины становились субъектом публичных обязанностей, не получив взамен публичных прав. При этом, если мужчинам средства, изъятые в 214 г. до н.э., государство, хотя и с задержками, возвращает с 204 по 196 гг. до н.э., женщины не получают ничего⁶². Формулировка же закона, вызванного трудностями военного времени, была такова, что и после окончания Ганнибаловой войны сохранялся запрет на ношение женщинами дорогой одежды и золотых украшений. Эта ситуация еще могла быть терпимой во время войны, но в условиях быстрого подъема благосостояния основной массы граждан спустя почти двадцать лет должна была болезненно восприниматься женщинами, особенно из числа городской элиты. Обращает на себя внимание, что завершение выплаты средств, заимствованных государством у граждан во время Ганнибаловой войны, практически совпадает по времени с началом кампании за отмену Оппиева закона. Возможно, этим объясняется неожиданно острая реакция римских матрон. Однако, как можно видеть, она выразила не желание римских женщин получить новые права, а желание исправить несправедливую к ним ситуацию, вернув себе право носить золотые украшения, окрашенные пурпуром платья и ездить по городу в экипажах⁶³. Как кажется, римским женщинам это было нужнее, чем публичные права, актуальные в контексте «правильной» гендерно корректной демократии, но не реалий древнеримского общества средней Республики.

⁶⁰ Liv. XXVII. 37.9-10. См.: *Abaecherli-Boyce A. The Expiatory Rites of 207 B.C.* // TAPA. 1937. 68. P. 151-171.

⁶¹ Liv. XXIV.18. 13-14; XXXIV. 6.14.

⁶² Liv. XXIX.16. 1-3; XXXI.13. 2-3; XXXIII. 42.2.

⁶³ *Dettenhofer M.H. Frauen in politischen Krisen. Zwischen Republik und Prinzipat // Reine Männersache?... S. 147.*